

УДК 009 (304.5)

301

ББК 60.5

Семиозис городского патриотизма (опыт осмысления теории и практики)

В.М. Капицын

Аннотация: Автор рассматривает знаки, символы и другие элементы, включаемые в семиотический механизм формирования городского патриотизма, анализирует влияние знаков и символов города на сознание жителей, роль архитектурных символов, планировки города, праздников, музеев, краеведения в консолидации горожан и восприятии ими городского пространства.

Ключевые слова: городской патриотизм, жизненные сферы, жизнесферный знак, символы, семиотика города.

В статье ставится задача выявить семиотический механизм формирования городского патриотизма. Уделяется внимание осмыслению связи визуально воспринимаемых символов (ландшафта) с другими знаками («неландшафтным текстом»). Семиотические концепты часто применяются в исследовании города. Получил признание семиосоциопсихологический метод Т.М. Дридзе¹. Метод Т.М. Дридзе синтезирует под началом социологии ряд подходов, применяемых психологами, географами, планировщиками, архитекторами, антропологами, в том числе, социально-идентификационный, визуально-антропологический, семиотический, ценностно-нормативный.

В основе гипотезы исследования предположение, что в настоящее время правомерно утверждение французского историка М. Пастуро: «символ всегда весомее и подлинней реального человека или вещи»². Он писал о символах в средневековой Европе, но сегодня это утверждение ещё более актуально. Феномен патриотизма в значительной мере является символьным конструктом.

¹ Дридзе Т.М. Социально-диагностическое исследование города // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 1. С. 95-103.

² Пастуро М. Символическая история Европейского средневековья: моногр. СПб.: Александрия, 2012, С. 19.

Проведём различие знака и символа. Знак – фрагмент (элемент) знания об объекте (вещи), отражающий в визуализированной (звуковой, аудиовизуальной, текстовой) форме его существенные черты. Символ, по сравнению со знаком, даёт более кодированное знание, размывающее реальные черты отражаемого объекта. «В той мере, в какой действительность символизирована, заключена в символическую систему, вещь как таковая оказывается представлена в слове, в своем понятии, а не в непосредственной данности» – отмечает С. Жижек³.

Множество знаков не означает возможность множества символов. В символе возникает сложное соединение: а) образа, преодолевающего «приземлённость» знака; б) «духоподъёмной» идеи о смыслах, интерпретация которых переводит знак в символ; в) носителя знака (материального, виртуального, ментального), отделённого от референта (означаемого). Кроме того, символотворчество предполагает влияние соответствующего социокультурного контекста и институтов. Повседневные взаимодействия людей, активность горожан, проявляющаяся в существовании общественности, способствуют семиозису в целом и символотворчеству, в частности.

В разработанной Т.М. Дридзе семиосоциопсихологии городское пространство представляется как текст (ландшафтный + неландшафтный) – совокупность знаков, создающая осмысленное послание и предполагающая осмысленное восприятие города. Знаки, визуальные и не визуальные, не только «замещают» реальные объекты, но и задают программу деятельности истолкователям. Характер господствующей символики относится к важнейшим факторам городской среды, способствующей выживанию и воспроизводству здоровых людей. Так формируется коммуникация, создающая культурную субстанцию, которая консолидирует людей в городе⁴.

³ Жижек С. Возвышенный объект идеологии: моногр. М.: Художественный журнал, 1999. С. 135.

⁴ Дридзе Т.М. Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды // Города как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 334, 335.

Города – форма самоорганизации жизненных сфер (жизненного мира), где происходит наиболее интенсивное насыщение знаками и символами, особенно рассчитанными на визуальное восприятие. Но толкование визуальных знаков города (ландшафтного текста), в том числе его туристического образа, не может отрываться от неландшафтного текста. Знаки, характеризующие взаимоотношения горожан (деятельность школ, больниц, транспорта, коммунальных служб), т.е. повседневность жизненных сфер, влияют на восприятие города, патриотический настрой не меньше, чем визуальные символы. Единство воздействия всех этих знаков при соответствующем средовом восприятии формирует самобытный городской патриотизм.

Формирование символов городского патриотизма связано с долговременным процессом воспроизводства и восприятия смыслов социальной коммуникации в городе. Оно опирается на совокупность знаков самоорганизации жизни на микро-уровне социальных взаимодействий повседневности, порождающей особую активность (общественность). С одной стороны, люди строят, воспринимают и понимают город, с другой, город строит людей, влияя на их психику и поведение.

Для перехода к пониманию городского патриотизма полезно обратиться к исследованиям городской интеграции. В частности В. Брэнфорд показал, что город – это форма и символы интегрированных общественных отношений, в которых предметы цивилизации умножаются, человеческий опыт трансформируется в жизнеспособные знаки, символы, модели поведения⁵. Возникает закономерный вопрос, как обеспечивается подобное интеграционное символотворчество?

Возможны разные варианты интеграционного символотворчества: событийный (знаменательное событие, праздник), «вдохновенный» (произведение искусства, ставшее памятником, достопримечательностью),

⁵ См.: Куфанова С.Н. Периферийный полиэтничный город: социокультурное позиционирование (на примере г. Майкопа): автореф. дис...канд. соц. наук. Майкоп, 2013. С. 13.

идейно-политический (персоны, мифы). Но для всех символов, в том числе городских, необходим процесс концентрации жизнесферных знаков повседневности. Происходит их постепенная стереотипизация в общественном (групповом) сознании, сопровождаемая приписыванием означаемому позитивных свойств, типичных для большинства горожан (основателей города, незаурядных персон, благ или артефактов). Так появлялись образы, «срастающиеся» с определённым местом и ставшие символами (тульский Левша и самовар, малахитовая шкатулка, рязанские пироги, магнитогорский Metallург, североморский Матрос и др.).

Большие города отличаются разнообразием жизнесферных знаков, подготавливающих яркую символику, особый язык событий, архитектуры, планировки⁶. Эта символика репрезентируется и транслируется, благодаря множеству институтов-трансляторов, объектов и субъектов символизации. Семиозис города (придание значений объектам, их интерпретация) берёт начало от знаков повседневного уровня, отражающих некие топосы происхождения смыслов, привязанные к основным жизненным сферам. В последних возникают индивидуальные и групповые (сословные, стратовые) статусные знаки, которые согласовываются в отношении некоторых ориентаций в символическом пространстве города. А это служит исходным материалом для общих (коллективных) символов на уровне города в целом. Семиозис города помогает строить соответствующий понятийный ряд, а вместе с ним специальный семиотический механизм.

Рассмотрим повседневный уровень семиозиса города, начиная со знаков жизненных сфер. Жизненные сферы – универсальный набор структур жизнедеятельности, в каждой из которых индивидуальные и коллективные знаки порождаются и согласуются, подчиняясь определённому семиотическому механизму. Это связано с нормативным характером знаков, на что обращал внимание Т. Веблен. Комментируя Веблена, М. Красиль-

⁶ См.: Вопросы теории архитектуры: Архитектура в диалоге с человеком: сб. науч. тр. М.: URSS, 2013.

никова пишет: «Сторонники определения нормальной жизни «как у всех» и их оппоненты при описании того, что такое нормальная жизнь, пользуются примерно одинаковым набором потребительских расходов – символов нормальной жизни»⁷. В данном наборе должны присутствовать конструкты, формирующиеся из знаков ландшафтного и неландшафтного текстов города, переживаний взаимоотношений по поводу городской символики.

К универсальным жизненным сферам (микро-уровню семиозиса), порождающим индивидуальные и коллективные статусные знаки, относятся четыре основные сферы. 1. Территориально-пространственная сфера (код – территориальность), порождающая знаки ландшафта (планировка и архитектура города), путей сообщения, доступа к объектам природы. 2. Естественно-антропологическая сфера (код – телесность) со знаками социально-демографических состояний – детства, отрочества, зрелости, старости, семьи, быта, здоровья. 3. Духовно-культурная сфера (код – духовность), где формируются знаки, связанные с мифами, верованиями, историей, духовной атмосферой, этикой малых сообществ. 4. Агентно-профессиональная сфера (код – агентность) – знаки самобытных достижений: ремесел (промыслов), преобладающей местной экономики.

Нередко обозначается доминанта кода одной из жизненных сфер, что определяет особенности семиотики разных городов, может вести к монопрофильной структуре деятельности горожан (моногород). Тем не менее, знаки всех жизненных сфер оказывают взаимное влияние друг на друга. Знаки территориально-пространственного характера, так или иначе, влияют на другие знаки города, предопределяя не только исторический выбор места поселения, но затем и формирование структур развития.

Совокупность привязок к специфике Места, выражая микро-уровень социальных взаимодействий, способствует функционированию знаков

⁷ Красильникова М. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 1. С. 42. (В данном случае автор употребила термин «символы», но речь идёт о знаках).

нормальной матрицы семиозиса горожан («территориальность – телесность – духовность – агентность»). Такая матрица, выражаемая в общих знаках и символах, помогает включать статусные знаки индивидов и разных слоёв горожан в единую знаково-символьную систему. Важно, как эта матрица воспринимается. Значительную роль играет такой компонент семиотического механизма как визуальное восприятие города его жителями (туристами и мигрантами). Практика восприятия такой матрицы соединяются в символьных комплексах, интегрирующих знаки жизненных сфер и получающих значимость для горожан.

Визуальное выражение матрицы жизненных сфер воспроизводилось ещё в гравюрах XVI в., где город изображался с далёкого расстояния, путём совмещения через визуальный символьный комплекс прототипов топографических планов, значимых мест, занятий, персон, событий. Складывалась система кодирования: данные визуального опыта переносятся так, чтобы используя символы, сочетать достоверность, образность, репрезентативность и экономичность изображения⁸.

Визуальные символьные комплексы формируются из знаков ландшафта (планировки улиц и площадей, архитектуры, скульптуры, дизайна), транслируются с помощью социальной рекламы, печати, школы, СМИ, языковой и символьной политики. Так, в итальянских городах знаки архитектуры и планировки складывались в символьный комплекс, являвшийся важным фактором, как городской, так и национальной идентичности; он включал собор, здание муниципалитета, центральную площадь, колокольню или башню с часами⁹.

Обобщение таких практик восприятия и изображения помогает разрабатывать методы визуального наблюдения городского пространства, анализа фотографии, графики, живописи в единстве с текстовыми доку-

⁸ Иванов К., Егорова И. Город на ладони: ранняя история городской топографии // ЛОГОС. Город. 2008. № 3(66). С. 184–187.

⁹ Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев: автореф. дис... докт. культурологии. М., 2011. С. 26.

ментами. Выделение символьных комплексов является узловым моментом такого анализа. Архитектурные, скульптурные, планировочные и другие ландшафтные знаки вписываются в контекст жизненных сфер. Ландшафтные знаки (вкуче с неландшафтными) включаются в социокультурное производство, в котором участвуют жители, организации, местная власть, историки, архитекторы, планировщики, а также, туристы и мигранты.

Городской патриотизм складывается из знаков, выражающих местную идентификацию. Справедливо утверждение историка архитектуры С. Костофа, что городские ориентиры отмечают символы веры и особые достижения, фокусируя форму города и выявляя городской портрет¹⁰. Так скульптурные памятники становятся визуальными центрами площадей и других публичных территорий, образуя символьные комплексы, способствующие формированию городского патриотизма. К подобным символам относятся праздники городов, памятники местным промыслам и продуктам, получившие название «необычных»¹¹: памятник Козе в г. Урюпинске (производство пуховых платков); Огурцу в г. Луховицах (выращивание огурцов); Антоновке – в Курске (яблонеые сады), праздники «Длинной колбасы» в Калининграде (в Кёнигсберге было развито приготовление колбас), местных продуктов в городах Италии.

Итак, городской патриотизм формируется как комплекс образов, чувств, знаний, установок, ценностей, стимулирующих позитивное восприятие символов, выражающих общие интересы жителей в контексте повседневной жизни. А. Зберовский выделяет следующие когнитивные, ценностные и акционные элементы, необходимые для привития любви к городу: знание города, сочетаемое со знанием истории страны, возможность самореализации в городе, забота города о детях, сопричастность горожан к управлению городом, проведение просветительских программ для детей и

¹⁰ Kostof Spiro. The City Shaped: Urban Patterns and Meanings Through History. Boston, Massachusetts: Bulfinch Press, 1991. P. 296.

¹¹ См.: Стрельникова А.В. Необычные памятники как объект визуального пространства // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 95.

взрослых¹². Такие элементы усиливают энергию жизнесферных знаков, поддерживают их соединение в символные комплексы.

Далее рассмотрим направленность и структуру семиотического механизма. Такой механизм направлен на усиление восприятия символных комплексов, которые отражают общие знания и чувства, совпадение партикулярных интересов, снижают противодействие индивидуальных и групповых статусных знаков. Благодаря этому, частные (семейные) статусные знаки, обозначающие достигнутое положение и ориентиры индивидуальной деятельности, согласуются с коллективными (городскими и национальными) символами.

Важную роль в семиозисе городского патриотизма играет сигнификация *основных институтов повседневности*. Институты начинаются в социальном воображаемом, переплетающемся с символическим; только таким образом он обеспечивает представление о социальной целостности и консолидации¹³. Они сами берут своё начало от знаков названных жизненных сфер. Это – карты, переписи, топонимы, больницы, кладбища, школы, места памяти, пресса, геральдика, праздники, выставки достижений. Они воспроизводят местные знаки, помогая тем самым формировать и транслировать символные комплексы города, соединяя правила и ресурсы по результатам повторяющихся успешных практик. Эти практики откладываются в матрице жизненных сфер, способствуют её сигнификации – закреплению знаков в сознании (подсознании).

Так исторически в территориально-пространственной сфере особое значение имел такой институт местного семиозиса как «карта» (план) города. С его помощью кодируют восприятие ландшафта (планировки и объектов градостроительства) и путей сообщения. Первоначально карта – это знак-индекс места, который воспроизводился на разных носителях (печати,

¹² См.: Лалетина Е. Любишь ли ты Красноярск, как люблю его я? // Городские новости: электрон. муниципальная газета. Красноярск. 02.06.2011. № 2380. URL.: <http://www.gornovosti.ru/tema/blagoustroistvo/htm> (дата обращения: 20.06.2013).

¹³ Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние: моногр. М.: Проспект, 2013. С. 105-106.

гравюры, открытки, летописи). В этом процессе индивидуальные (семейные) знаки соотносятся с одобряемыми большинством символами. В ментальности горожанина складывалась определённая «карта» (матрица), включающая образ «малой родины» и помогающая кодировать и раскодировать ландшафтные символы.

В естественно-антропологической сфере важен институт статистико-демографической переписи. В широком смысле «перепись» охватывает ряд институтов: работу статистиков, регистрацию местопребывания, запись актов гражданского состояния (от рождения до смерти), неформальные коллективные состояния (обряды инициации, свадьбы, крестин, похорон и т.д.). В духовно-культурной сфере важны городские летописи, музеи, культы и праздники местных святых и героев, церковные приходы, школа, местная газета, архитектура, скульптура, в значительной мере влияющие на формирование местного нарратива («славных дел земляков»). Характеризуя роль языка и образования, П. Бурдьё видел их функцию в стандартизации культурных и лингвистических различий в пользу доминирующей символической системы¹⁴. В агентно-профессиональной сфере семиозис городского патриотизма поддерживается демонстрацией (выставок) местных достижений, конкурсов, праздников профессий.

«Карта» влияет на восприятие многих знаков: природы (флора, фауна), ландшафта (планировка), земли (кадастры). Она получает модифицированное выражение в планах-макетах, интересных архитекторам, планировщикам, специалистам по визуальной антропологии, урбанистике, туризму. Планы-макеты городов разных масштабов используются в музеях и парках (Берлин, Калининград и др.). Появляются планы-макеты государств: макет России размещён в одном из помещений частной компании в Санкт-Петербурге. Планируется создание (при участии федеральной власти и субъектов РФ) большого плана-макета России в Домодедовском рай-

¹⁴ Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, MJ: Harvard University Press, 1991. – 312 p.

оне Подмосковья. Отбор городских памятников культуры, модели которых будут размещены в этом парке, проводится по конкурсу с голосованием граждан по Интернет и SMS. Так «карта» способствуют проявлению местного патриотизма и интеграции проявлений последнего в патриотизм региональный и национальный («большой национальный нарратив»).

Семиотический механизм формирования городского патриотизма включает также ценностный код, с помощью которого горожане приписывают позитивные признаки (качества) своему городу, отличающие его от других. Этот ценностный код отражается в местных знаках и символах (гербах, гимнах, памятниках, праздниках)¹⁵. Подобные коды вписываются в концепцию «градов» и «режимов публичного оправдания», разработанную французскими социологами Л. Болтански и Л. Тевено. Согласно ей, совместные действия (сосуществование) оправдываются значимостью общего блага или справедливости¹⁶. Символы общезначимого блага служат для сообщества основанием консолидации и поддержки городского патриотизма.

В городском патриотизме выявляются *характер и степень инклюзии* (включённости), обеспечиваемой активностью граждан и символической политикой, сопровождающей городское самоуправление и управление. Критерий инклюзивности показывает, насколько городской патриотизм коррелирует с участием горожан в жизни города (района, квартала, дома): общественным контролем над работой городской власти, управляющих компаний, ТСЖ. Речь идёт о представленной в социологическом дискурсе тема-

¹⁵ Так, юмор и экономность жителей болгарского г. Габрово выражает их городской символ – Кот с обрубленным хвостом, входящий в дом. По легенде, хвост коту отрубили, чтобы, когда он входил и выходил, быстрее закрывалась дверь, и тем самым экономилось тепло. Символ г. Мытищи Московской обл. – ладья, что символизирует наличие р. Яузы и совместное «плавание» (коллективное проживание). В символах Владивостока тигр, цвета флага и герба призваны символизировать уникальность природы и положительные качества его жителей.

¹⁶ См.: Каркюф Ф. Новые социологии /пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2002. С. 153–154.

тике «право на город» (right of city)¹⁷.

Размышляя об инклюзивном городском патриотизме, необходимо различать варианты мотивации консолидации горожан: А) «инклюзивный активистский патриотизм» локализованного типа; Б) «инклюзивный активистский патриотизм» интегрированного типа; В) «пассивная гордость». Это скорее «чистые» типы. Возможны и другие, в том числе, промежуточные типы.

Вариант «В» – это пассивная любовь к городу (футбольной команде, памятникам истории и культуры), так сказать, «патриотизм, не вставая с домашнего дивана». Мы не будем здесь его рассматривать. Вариант «А» – проявление активного стремления к обретению городской идентичности «Мы» – общего (солидарного) представительства города и соответствующей гордости за «свой» город, отличающийся от других. Это – коллективное публичное «Мы-оправдание» совместного сосуществования горожан как общей истории, судьбы и современности. Он может переходить в вариант «Б», а может расходиться с последним, который интегрируется в национально-государственный патриотизм. Вариант «Б» – желаемый вариант сочетания городского патриотизма и национального гражданства; в идеале он отражён у социалистов-утопистов Т. Мора, Т. Кампанеллы и др. К нему стремятся «настоящие горожане» и власти города; в ряде городов достигнуты успехи в этом направлении. На практике его невозможно обеспечить в полной мере, тем более при современном усилении социальной дифференциации горожан.

Вариант «А» граничит с модификациями, имеющими место в реальности. Модификация «А-1» – доминанта космополитических мотиваций, индивидуализированного восприятия проблем, ориентированного на западные стандарты и переезд за границу. Возможна модификация «А-2», – стремление к частичному зонированному улучшению «своего» части горо-

¹⁷ См.: Amin A., Thrift N. *Cities: Reimagining the Urban*. Cambridge: Polity Press, 2002; Харви Д. *Право на город* // ЛОГОС. Город. 2008. № 3(66).

да (создание «зелёных зон» для избранных). Обе этих модификации не приемлют или считают недостижимым общее консолидированное «Мы-оправдание» жизни в «своём» городе.

Вариант «А» ориентирован больше на активное преобразование здесь и сейчас «своего» городского пространства, приближение к реализации повышенных требований к дизайну, инфраструктуре досуга, комфортности проживания. В таком городе комфортно не только работать, создавать быт, семью, но и проводить интересно досуг, общаться. Из него не хочется переезжать в другой город (страну). О нём пишет, в частности, специалист пиар-технологий и галерист М. Гельман, считающий, что городской патриотизм (пермский, мюнхенский и т.д.) заменит патриотизм французский, российский и т.п.¹⁸. О подобном образе города пишут Р. Ллойд и Т.Р. Кларк (город – «машина для развлечений», «пространство символического производства и потребления», «культура определяет экономическое благосостояние, а не наоборот»)¹⁹. Следует уточнить, что в таком варианте горожане – участники не только потребления, но преобразования. Вариант «А» предполагает соответствующую организацию ландшафтных и неландшафтных знаков и символьных комплексов в публичном пространстве при равнодушном отношении жителей к городу.

Такой вариант проявляется в современных городах, в том числе в России. Его формирование сталкивается с немалыми трудностями в борьбе с уплотнительной застройкой «ползучей сегрегацией» в связи с ростом социальной дифференциации зон городской среды («респектабельных» и «бедных» районов). Рост социально-пространственного неравенства в разных районах городов ведёт к сильной асимметрии в распределении престижных символов, своеобразной «символьной сегрегации», что встречает сопротивление. Проявление городского патриотизма (вариант «А») может

¹⁸ Гельман М. Патриотизм станет городским понятием // Городская газета: электрон. версия. Томск. 2011. № 10. URL: gorgas.tomsk.ru/2011/10 (дата обращения: 27.05.2013).

¹⁹ Ллойд Р., Кларк Т.Н. Город как машина для развлечений // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Вып. 1. С. 33.

быть «защитным» и «системным». Защитный вариант «А» скорее спонтанный, приводящий к резонансному событию, позволяющему мобилизовать сторонников; проявился, например, в движениях в защиту Химкинского леса, «Живой город» в Санкт-Петербурге. Последнее помогло предотвратить сооружение в историческом центре города такой ландшафтной доминанты как «башня» Газпрома. «Охта-проект» был воспринят частью петербуржцев как символ насилия над единым символьным пространством города («духом города») ²⁰.

Эта доминанта вела бы к возвышению знаков агентности (субъектности) газовой монополии над символами духовной культуры, что серьёзно исказило бы соотношение символьных комплексов, разрушило сложившиеся символьные доминанты. Удалось перенести это строительство в Приморский район Санкт-Петербурга. Но оказалось труднее остановить менее заметное, менее резонансное, но мощное наступление девелоперов на московские дворы и дворики, постройки усадебного типа, сохранявшие знаки прежней Москвы («дух» Москвы), места отдыха от суеты улиц. Ситуация в Москве и ряде других городов свидетельствует о недостаточности только защитного варианта «А», востребованности системной активности.

Варианты «А» и «Б» взаимосвязаны и взаимообращаемы, могут выстраиваться в определённой иерархии в индивидуальном и коллективном сознании и формировать инклюзивированный городской патриотизм. Но вариант «А» может модифицироваться в индивидуализированные (групповые) стили восприятия города, конфликтующие с вариантом «Б» и подрывающие городскую консолидацию. Это проявляется не только в игровых проявлениях субкультур (стычках молодёжных группировок), но и в ландшафтной сегрегации, приводящей к «бунтам предместий» (Париж 2005-2006 гг., Стокгольм 2013 г.).

²⁰ См.: От общественного к культурному /Под ред. О. Хархордина. СПб.: Европейский ун-т Санкт-Петербурга, 2011. – 530 с.

Статусные знаки значительной части горожан всё больше зависят от места проживания. Низкие статусные знаки дают «спальные» и промышленные районы, особенно недалеко от вредных производств, «окраин», кварталы ветхого и аварийного жилья, сегрегированные кварталы, самовольно застроенные окраины, трущобы (фавелы). С другой стороны, часть горожан стремится в целях безопасности отгородить свою жилую территорию и офисы от других горожан, стоящих ниже на «социальной лестнице», применяя заборы (ограды), охрану, камеры слежения. Создаются фешенебельные кварталы, («оазисы», «анклавы глобалистов»), по выражению Р. Сеннета, воспитывающие безразличие по отношению к городу²¹. Тема элитного зонирования города получила освещение в научной литературе (З. Бауман, М. Кастельс). Урбанист М. Робле-Дюран пишет о приватизации городского пространства капиталом, что приводит к «улучшению города в особых зонах, которые оторваны от основного населения по ценам или территориально»; там «нужны высококлассные музеи, общественные пространства с необычным, даже избыточным дизайном, суши-бары и кафе»²².

Как при такой дифференциации обеспечивать соединение символического разнообразия с консолидацией и формирование инклюзивного городского патриотизма? Разумеется, необходимы экономические и социально-политические методы снижения дифференциации и снижения негативных эффектов глобализации и глокализации. Но требуется и формирование эффективной символической политики, воспитание культуры, чтобы город воспринимался как культурный центр и «город для жителей».

Какие направления развития семиотического механизма могут этому способствовать? Необходима концепция будущего города, символы которой привлекают значительную их часть. Например, социологи отмечают, что для жителей г. Майкоп привлекательно усиление его восприятия как

²¹ Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // ЛОГОС. Город. 2008. № 3(66). С.104.

²² Щукин А. Город, которым не спекулируют // Эксперт. 2013. № 5. С. 60.

компактного студенческого (университетского) полиэтнического города²³. Для некоторых индустриальных городов благоприятна символика трансформации в социокультурные и политехнические центры с инновационными технопарками на базе вузов и предприятий. Городские сообщества – своеобразные лаборатории и площадки социокультурного консолидирующего дискурса и символической политики. Последняя становится важнейшей составляющей концепции развития и формирования инклюзивного городского патриотизма.

Её направления: поддержка консолидирующих знаков жизненных сфер, интеграция культурного наследия прошлого в новом символическом пространстве; обеспечение оптимального соотношения центральности, срединности и периферийности в символическом обеспечении новых районов; соединение эффектов ландшафтного и неландшафтного текстов с помощью туризма и воспитания средового восприятия города. Эти направления взаимодействуют и взаимодополняют друг друга.

Помимо улучшения «карты» (ландшафта) должен поддерживаться и институт «переписи» (в широком смысле), в плане профилактики болезней, ввода поликлиник и детсадов, улучшения статистики, что влияет на демографические и этнические пропорции, распределение бюджетов. В духовно-культурной сфере речь идёт об активном оживлении позитивного нарратива города с помощью музеев, местных культов, СМИ. В агентно-профессиональной сфере необходима интенсификация демонстраций достижений хозяйства, профессиональные праздники, соревнования профессионалов, символизирующие трудолюбие, мастеровитость, сохранение ремесленных традиций, достижений современной экономики.

В индустриальных городах возможно органичное сочетание символов промышленной архитектуры с символами постиндустриального типа, что бы сблизить периферийные и центральные части города, реабилитировать освобождающиеся промышленные зоны, включить часть их в экскур-

²³ Куфанова С.Н. Периферийный, полиэтничный город, С. 22.

сионные маршруты. Например, как в Москве, здание кондитерской фабрики «Красный Октябрь» стало музеем предприятия; бывший винный завод преобразован в галереи современного искусства. Известно строительство предприятий (офисов) со стенами в виде террас, засаженных кустарниками (Сеул). Есть пример символического оформления очистных сооружений в Копенгагене. Крыша предприятия превращена в общественный лыжный склон; стены прозрачные; из лифта, поднимающего людей к лыжне, можно наблюдать внутреннее производство, что создаёт познавательные эффекты, воспитывающие экологическое сознание. Мусороперерабатывающий завод в Вене после реконструкции не только обогревает 100 тыс. жилищ: знаменитый художник Ф. Хундертвассер помог превратить его в экскурсионный объект. Так обеспечивается гармония старого и нового ландшафта.

Увлечение точечной и высокоэтажной застройкой в ряде случаев вредит общему ландшафту городов, вносит диссонанс в отношения жителей, усугубляет проблемы социальной безопасности. В ряде городов есть ограничение на высотность зданий. В Санкт-Петербурге удалось отстоять ограничение на высоту строений в историческом центре (до 24 метров) в противостоянии строительству башни «Охта-центр» Газпрома. В подмосковных городах с 2013 г. ограничена высотность строительства (не более 17 этажей). В принципе необходимо и это ограничение дифференцировать. Так для небольших городов Подмосковья и 17-этажные здания могут восприниматься, как чужеродный ландшафт, усиливающий социальную напряжённость между застройщиками и жителями, разными слоями горожан.

Серьёзной является задача соединения ландшафтного и неландшафтного текстов городов. Неландшафтные тексты – это материалы музеев, экскурсий, геральдики, филателии, нумизматики, фалеристики, работы краеведов, частные, корпоративные, муниципальные, государственные архивы, работа краеведов, педагогов, журналистов по воспитанию инклюзивного патриотизма. Существенный вклад могут внести программы воспитания визуального восприятия городских символов (с мест-

ным нормативным обеспечением²⁴) в школах, детсадах, вузах, общественных центрах, разработка и применение карт маршрутов с новыми экскурсионными ресурсами, обмен символами между городами. Всё это актуально в свете «символьной вооружённости» социумов²⁵.

В г. Магнитогорск впервые был написан и опубликован учебник по истории города для преподавания в 9-11 классах. Прошли обсуждения среди педагогов и школьников. Тираж обеспечил всех 9-классников и городские библиотеки. Разрабатываются рабочие тетради, электронная версия учебника с видео- и фотоматериалами, проекты по изучению истории и современной жизни города с участием школьников. Краеведческая составляющая семиозиса, сохраняя ценное наследие, помогает воспитывать инклюзивированный городской патриотизм.

В Екатеринбурге муниципальное бюджетное учреждение (МБУ) «Столица Урала» разработало стратегический проект «Я – гражданин Екатеринбурга (городской патриотизм)» с выделением на реализацию почти 18,5 млн. руб. Этот проект коррелируется со стратегическим планом развития, различные направления которого сопровождаются программами «Екатеринбург спортивный», «Город комфортной социальной среды», ««Екатеринбург – мегаполис культуры и искусства», «Здоровый город», «Образование – основа развития, залог успеха», «Чистый благоустроенный город», «Оздоровление окружающей природной среды», «Екатеринбург – столичный город», «Город общественного согласия», «Город активных граждан», «Екатеринбург – безопасный город». МБУ «Столица Урала» с 2010 г. проводит ежегодно летний фестиваль уличного искусства и граффити «Стенограффия». Для создания художественных образов использу-

²⁴ На федеральном уровне для этого есть нормативное правовое обеспечение работы по воспитанию восприятия государственных символов (См.: О деятельности музеев образовательных учреждений. Письмо Министерства образования Российской Федерации от 12 марта 2003 года. № 28-51-181/16).

²⁵ См.: Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29-30.

ются стены промышленных и жилых зданий, ограды строительных площадок, что помогает создавать символы для туристских маршрутов.

Поиски опорных символов формирования городского патриотизма продолжают. Ряд выходов видится в усилении внимания к социальной политике. При острой нехватке детских садов, школ, поликлиник в новых микрорайонах такие социальные объекты, исполненные в ярком архитектурном стиле, с дизайном, выражающим местную идентичность, стали бы мощными символьными комплексами микрорайонов, поддержали бы принцип центральности и консолидирующие ландшафтный и неландшафтный тексты. Неслучайно, городской патриотизм называют «женским» («семейным»). Семьи, женщины ценят город во многом за то, что он заботится о детях, значит, о будущем. В этом заложен потенциал инклюзивного городского патриотизма. В таком учреждении собираются родители с микрорайона (квартала), проводят собрания, создают родительские комитеты. Это – узел соединения знаков территориальности, телесности, духовности, агентности, центр активной трансляции консолидирующих городских символов. Создание символов, способствующих инклюзивному патриотизму, становится основой долговременной символьной политики в городе.

Список использованной литературы

Вопросы теории архитектуры: Архитектура в диалоге с человеком [Текст] Сб. науч. тр. /Под ред. И.А. Добрицыной. – М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2013. – 528 с.

Гельман М. Патриотизм станет городским понятием: городская газета. 2011. № 10. Томск. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gorgas.tomsk.ru/2011/10 (дата обращения: 27.05.2013).

Дридзе, Т.М. Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды [Текст] // Города как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. С. 334–344.

Дридзе Т.М. Социально-диагностическое исследование города [Текст] / Т.М. Дридзе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 1. – С. 95–103.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии [Текст]: моногр. / Пер. с англ. В. Софронова. – М.: Художественный журнал, 1999. – 236 с.

Иванов К., Егорова И. Город на ладони: ранняя история городской топографии [Текст] / К. Иванов, И. Егорова // ЛОГОС. Город. – 2008. – № 3(66). – С. 184–199.

Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние [Текст]: мо-

ногр. /И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2013. – 176 с.

Каркюф Ф. Новые социологии [Текст]: моногр. /пер. с фр. Е.Д. Вознесенской, М.В. Фёдоровой. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб: Алетейа, 2002. 172 с.

Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика [Текст] / О.А. Кармадонов // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 29-41.

Красильникова М. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену [Текст] / М. Красильникова // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2011. – № 1. – 36-50.

Куфанова С.Н. Периферийный полиэтничный город: социокультурное позиционирование (на примере г. Майкопа) [Текст]: автореф. дис...канд. соц. наук / С.Н. Куфанова; Адыгейский гос. ун-т. – Майкоп, 2013. – 23 с.

Лалетина Е. Любишь ли ты Красноярск, как люблю его я?: электрон. версия газ. Городские новости. Красноярск. 02.06.2011. № 2380 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gornovosti.ru/tema/blagoustroistvo/htm> (дата обращения: 20.06.2013).

Ллойд Р., Кларк Т.Н. Город как машина развлечений [Текст] / Р. Ллойд, Т.Н. Кларк / пер. с англ. Н.Ю. Рупасова // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Вып. 1. – С. 33-44.

Гладарев Б. От общественного к культурному [Текст]: моногр. / Б. Гладарев [и др.]. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. – 530 с.

Пастуро М. Символическая история Европейского средневековья [Текст] : моногр. / пер. с англ. Е. Решетниковой. – СПб.: Александрия, 2012. – 448 с.

Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие [Текст] / Р. Сеннет /пер. с англ. А. Смирнова // ЛОГОС. Город. 2008. № 3(66). С. 95-107.

Стрельникова А.В. Необычные памятники как объект визуального пространства [Текст] / А.В. Стрельникова // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 95-99.

Харви Д. Право на город [Текст] / Д. Харви / пер. с англ. А. Смирнова // ЛОГОС. Город. – 2008. – № 3(66). – С. 80-94.

Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев [Текст]: автореф. дис... докт. культурологии / Д.А. Шевлякова; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2011. – 49 с.

Щукин А. Город, которым не спекулируют [Текст] / А. Щукин // Эксперт. – 2013. – № 5 (837). – С. 60-65.

Amin A., Thrift N. Cities: Reimagining the Urban. Cambridge: Polity Press, 2002 – 192 p.

Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, Cambridge, MJ: Harvard University Press, 1991. – 312 p.

Kostof Spiro. The City Shaped: Urban Patterns and Meanings Through History. Boston, Massachusetts: Bulfinch Press, 1991. – 352 p.

Kapitsyn V.M. The Semiosis of the City Patriotism (Experience of the Interpreting of the Theory and Practice)

Abstract: The Author considers the signs, symbols and other elements are included in the semiotic mechanism of formation of city patriotism, analyzes the impact of the signs and symbols of the city on the minds of the inhabitants, the role of the architectural symbols, the city planning, holidays, **museums**, local history studies in the consolidation of the citizens and their perception of the urban space.

Keywords: urban patriotism, areas of life, sign of the areas of life, symbols, semiotics of the city.